

А.В. Вадковский

**Св. Василий Великий, его
жизнь и проповеднические
труды**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А.В. Вадковский**
Св. Василий Великий, его жизнь и проповеднические труды / А.В. Вадковский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 98 с.

ISBN 978-5-518-06163-7

Православный собеседник, 1872, 5, с. 3-37; 10, с. 121-141; 1873, I, с. 390-430.

ISBN 978-5-518-06163-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

смѣшки отъ всякаго желающаго. И сіе, полагаю, заведено у нихъ съ тѣмъ, чтобы сократить высокоуміе поступающаго вновь, и съ самаго начала взять его въ свои руки. Шутки однихъ бываютъ дерзки, а другихъ болѣе остроумны;—сіе соображается съ грубостію, или образованностію новоприбывшаго. Такое обхождение тому, кто не знаетъ, кажется очень страннымъ и немилосерднымъ, а тому, кто знаетъ напередъ, весьма пріятно и снисходительно; потому что представляющееся грознымъ дѣлается большею частію для вида, а не дѣйствительно таково. Потомъ новоприбывшаго въ торжественномъ сопровожденіи чрезъ площадь отводятъ въ баню. И это бываетъ такъ: ставъ порядкомъ попарно и въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, идутъ впереди молодаго человѣка до самой бани. А подходя къ ней поднимаютъ громкій крикъ, и начинаютъ плясать, какъ изступленные; крикомъ же означаетъ, что нельзя имъ идти впередъ, но должны остановиться; потому что баня не принимаетъ. И въ тоже время выломивъ двери, и громомъ приведя въ страхъ вводимаго, дозволяютъ ему наконецъ входить, и потомъ даютъ ему свободу, встрѣчая изъ бани, какъ человѣка съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ собратство; и это мгновенное освобожденіе отъ огорчений и прекращеніе оныхъ во всемъ обрядѣ посвященія есть самое пріятное“ (т. IV, стр. 70). Григорій, прибывшій въ Аѳины ранѣе Василия, уговорилъ своихъ товарищей не дѣлать съ нимъ этой странной церемоніи, такъ что Василій почти одинъ изъ всѣхъ прибывшихъ избѣжалъ общаго закона и удостоенъ высшей чести „не какъ новопоступающій“. „И сіе, говоритъ св. Григорій, было начаткомъ нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Такъ уязвились мы любовію другъ къ другу“ (стр. 71). Указанный нами обычай и многое другое, что увидѣлъ Василій въ Аѳинахъ, разочаровали его, такъ что онъ называлъ Аѳины „обманчивымъ блаженствомъ“. Григорій постарался успокоить его отъ его скорби своими друже-

скими бесѣдами, чѣмъ еще болѣе привязаль къ себѣ Василія. Наконецъ, когда открылось единство цѣли, единство ихъ желаній и стремленій,—именно христіанское любомудріе, тогда дружба ихъ стала неразрывною. „Мы стали тогда другъ для друга все, говоритъ Григорій, и товарищи, и сотрапезники, и родные“ (стр. 73).

Въ такомъ шумномъ и блестящемъ городѣ, какъ Аѳины,—въ этой резиденціи язычества, гдѣ, по словамъ св. Григорія, „идоловъ было гораздо больше, чѣмъ въ цѣлой Элладѣ“, юные наши друзья не увлеклись ни прелестями разгульной и веселой жизни аѳинской молодежи, ни языческими суевѣріями. Они жили изолированно отъ другихъ,—жили въ мірѣ, какъ совершенные иноки, хотя въ это время не были еще крещены. „Намъ извѣстны были, говоритъ Григорій, двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая—это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ высшихъ. Другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, народныя стеченія, на пиршества, предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитаю того, что не ведетъ къ добродѣтели, и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя“ (стр. 75 — 76). Такъ проводили юные друзья жизнь въ Аѳинахъ. Уже по такой ихъ юношеской жизни, по которой они приобрѣли извѣстность не только въ Аѳинахъ, но и въ цѣлой Элладѣ, и особенно у знаменитыхъ мужей (стр. 77), можно было предвидѣть, что изъ этихъ юношей воспитаются мужи строгаго благочестія и крѣпкой силы воли, мужи, способные пожертвовать всѣми выгодами жизни за неприкосновенность своихъ дорогихъ убѣжденій.

Закончивши курсъ наукъ въ Аѳинахъ, (гдѣ) Василій превосходно изучилъ риторство, стихотворную науку, философію, диалектику, астрономію и медицину, наши друзья должны были разстаться. Ихъ обоихъ

сильно удерживали въ Аѳинахъ; но Василій, какъ человѣкъ болѣе твердаго характера, не остался, несмотря ни на какія просьбы друзей, а Григорій склонился на эти просьбы и остался въ Аѳинахъ. Итакъ друзья разстались. „И совершилось, говоритъ св. Григорій, дѣло до совершенія своего невѣроятное. Ибо сіе было тоже, что разсѣчь на двое одно тѣло, и умертвить насъ обоихъ, или тоже, что разлучить тельцовъ, которые, будучи вмѣстѣ вскормлены и приучены къ одному языку, жалобно мычатъ другъ о другѣ и не терпятъ разлуки“ (стр. 80). Григорій дѣйствительно не могъ вынести разлуки. Онъ побылъ нѣсколько времени въ Аѳинахъ, и потомъ, несмотря ни на что, оставилъ ихъ. „Любовь сдѣлала меня, говоритъ онъ, Омировымъ конемъ; расторгнувъ узы удерживающихъ, оставляю за собою равнины и несусь къ товарищу“ (стр. 81), къ которому и мы возвратимся, оставивъ Григорія.

Возвратясь чрезъ Константинополь и Ефесъ въ Понтъ, Василій нѣсколько времени исправлялъ должность адвоката. Въ 359 году, почувствовавъ суетность мірской славы, онъ рѣшился совѣмъ прервать связь съ міромъ; принялъ крещеніе и степень чтеца, и отправился изучать жизнь иноческую у пустынниковъ въ Сиріи, Месопотаміи, Палестинѣ и Египтѣ; потомъ поселился близъ Неокесаріи въ пустынь, орошаемой потокомъ Ирисомъ, не вдали отъ мѣста, гдѣ жили съ другими дѣвственницами мать и сестра его. Сюда въ пустыню Василій вызвалъ друга своего Григорія; здѣсь друзья снова погрузились въ научныя занятія; но теперь они уже изучали не вѣдную—языческую мудрость, но христіанское любомудріе,—занимались изученіемъ Писанія, церковныхъ писателей и между ними преимущественно Оригена, изъ лучшихъ сочиненій котораго они сдѣлали извлеченія, извѣстныя подъ именемъ Филокаліи. Въ 363 г. пустынникъ писалъ Юліану, требовавшему у него денегъ съ угрозою опустошить Кесарію: „я содрогаюсь, что ты облеченъ въ

порфиру, что глава твоя украшена вѣнцомъ, который безъ благочестія вѣнчается царю не въ честь, а въ безчестіе. Тебѣ извѣстнѣе вчерашняго дня, что я не люблю собирать богатства, и однако ты требуешь отъ меня тысячу литръ золота. Помилуй, государь! я столько стяжалъ его, что если бы сегодня мнѣ захотѣлось въ другой разъ вкусить пищи, то у меня и на это не стало бы денегъ. У меня, какъ и должно быть, нечего дѣлать повару: лучшія изъ яствъ, которыми мы изобилуемъ,—травяныя листья съ черствымъ хлѣбомъ и кислымъ виномъ“ (Истор. уч. объ отц. Ц. Филар. т. 2. стр. 129). Этотъ и подобные факты, которые мы приведемъ ниже, факты его столкновенія съ сильными міра сего, показываютъ въ Василіѣ непоколебимую твердость характера, чуждую всякаго ласкательства и угодничества, — качества, необходимыя въ пастырѣ Церкви, который, по своему высокому положенію, долженъ служить Богу, а не людямъ.

Въ 364 году Василій посвященъ въ санъ пресвитера. Изъ похвального слова Григорія богослова Василію великому видно, что въ это время уже успѣлъ вкратѣ въ Церковь безпорядочный обычай, по которому возводили иногда на епископскія каѳедры людей, мало извѣданныхъ въ благочестіи,—людей, не занимавшихъ до того времени никакой церковной должности. Не одобряя этого обычая, онъ говоритъ, что „многообъемлющій и великій Василій служитъ образцомъ для многихъ, какъ всѣмъ прочимъ, такъ соблюденіемъ порядка и въ этомъ“, т. е. онъ восходитъ на церковныя степени постепенно. „Сей истолкователь свящ. книгъ, говоритъ Григорій, сперва читаетъ ихъ народу (чтець), и сію степень служенія алтарю не считаетъ для себя низкою; потомъ на сѣдалищѣ старецъ (пресвитерь), потомъ въ санѣ епископовъ хвалитъ Бога“ (стр. 83). Въ санѣ пресвитера Василій проповѣдывалъ слово Божіе въ Кесаріи; къ этому времени относятъ его знаменитыя 9 словъ на шестодневъ. Любитель мира и согласія, Василій по поводу

непріятностей, воздвигнутыхъ на него Евсевіемъ, епископомъ кесарійскимъ, послушавъ совѣта друга своего Григорія (стр. 85), удаляется на время въ пустыню понтійскую; но потомъ вскорѣ (365 г.) вызванъ оттуда снова, чтобы помогать епископу въ борьбѣ противъ аріанъ; кесарійская церковь спасена была теперь отъ аріанъ, потому что Василій былъ ея пастыремъ, хотя и не былъ еще епископомъ. Онъ былъ для своего предстоятеля, по словамъ Григорія, добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ слова Божія, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорою вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннимъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ... Съ этого времени и церковное правленіе перешло къ Василю, хотя по кафедрѣ занималъ онъ второе мѣсто, ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнъ власть. И было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, другой управляющимъ (стр. 89—90). Изъ этого періода его пресвитерской дѣятельности считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ, весьма важномъ для характеристики Василя, какъ человѣка съ практическимъ направленіемъ и какъ человѣка сильнаго въ словѣ; фактъ этотъ броситъ нѣкоторый свѣтъ и на характеръ проповѣднической его дѣятельности, которая отличалась также преимущественно практическимъ направленіемъ.

Въ 368 году былъ въ Кесаріи голодъ (будемъ рассказывать этотъ фактъ словами Григорія богослова),—и самый жестокій изъ памятныхъ дотолѣ. Городъ изнемогалъ; ниоткуда не было ни помощи, ни средствъ къ облеченію зла.... Всего несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ прибыль изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій, не внимаютъ тому, что *милуйй нища взаимъ даетъ Господу* (Притч. 19, 17).... Василю надлежало не дожидать хлѣбъ съ неба посред-

ствомъ молитвы, и питать народъ бѣгствующій въ пустынь, не насыщать тысячи пятью хлѣбами.... Все сіе было прилично Моисею, Или и моему Богу.... Можетъ быть, сіе нужно было только въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ; ибо знаменія не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. Но что подобно симъ чудесамъ, и ведетъ къ тому же, то замыслилъ и привелъ Василій въ исполненіе съ тою же вѣрою. Ибо, отверзши хранилища имущихъ словомъ и увѣщаніемъ, совершаетъ сказанное въ Писаніи, *раздробляетъ алчущимъ пищу*“ (Пс. 57, 8) (стр. 91—92), т. е. Василій силою своего слова отворилъ житницы богатыхъ. Къ этому конечно времени относится его знаменитое слово подъ названіемъ: „во время голода и засухи“,—слово полное силы и убѣжденія и притомъ въ высшей степени краснорѣчивое. Въ этомъ случаѣ св. Василій заявилъ себя величайшемъ ораторомъ, слово котораго, исполненное духа и силы, проникаетъ до членовъ и мозговъ и побуждаетъ къ доброй дѣятельности неудобопреклонную къ добру волю человѣческую. Но этимъ однимъ энергичная натура св. Василія не удовольствовалась. Онъ, по словамъ Григорія, собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы, полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію самого Христа, который, препоясавшись ленціемъ, не погнушался умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ питанію присоединивъ честь и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ“ (стр. 92). Въ этомъ уже видѣтъ человѣкъ дѣла, человѣкъ практическаго направленія, который не довольствуется только тѣмъ, чтобы растворить житницы богатыхъ посредствомъ слова, но и принимаетъ на себя роль распорядителя и

вмѣстѣ слуги.— „Таковъ былъ новый нашъ хлѣбодатель и второй Іосифъ“, заключаетъ свой разсказъ св. Григорій.

Когда епископъ кесарійскій Евсевій скончался, то Василій, правившій церковію еще при жизни его, сталъ его преемникомъ. Это было въ 370 году. Зная такой высокій постъ, Василій показалъ себя самымъ твердымъ и неутомимымъ защитникомъ православія противъ насилій аріанъ, имѣвшихъ тогда во главѣ державнаго вѣнцевосца, императора Валента. Валентъ, предъ которымъ склонились почти всѣ православные епископы, рѣшился наконецъ ввести аріанство и въ каппадокійской области. Зная твердость и непоколебимость Василія, архіепископа каппадокійской области, Валентъ предварительно послалъ для объясненій съ Василіемъ префекта Модеста. Въ высшей степени характеристично это объясненіе Василія съ Модестомъ;—оно весьма рельефно представляетъ намъ личность архіепископа кесарійскаго. Вотъ какимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Василія св. Григорій богословъ: „когда Василій явился къ Модесту, тогда этотъ послѣдній прямо встрѣтилъ его слѣдующимъ вопросомъ: „для чего тебѣ съ дерзостію хочется противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ? — Доблестный мужъ возразилъ: въ чемъ и какая моя дерзость?— Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили.— Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божіа тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ.— Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающие это? Почему неважно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи?— Вы правители, отвѣчаетъ Василій, и не отрицаю, что правители знаменитые, однакоже не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами; впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со

всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе вскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василиемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?—Нѣтъ, что ни будетъ, и чего не потерплю. — Даже хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ?—Что же такое? объясни мнѣ это.—Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть. — Ежели можешь, угрожай инымъ; а это нимало насъ не трогаетъ.—Какъ же это и почему? спросилъ правитель.—Потому, отвѣчаетъ Василій, что не подлежитъ описанію имущества, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое куда меня ни кинуть, будетъ мое. Лучшее же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13). А истязанія что возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе преподлетъ Богу, для котораго живу и тружусь, для котораго большею частію себя самого я уже умеръ, и къ которому давно поспѣшаю“ (стр. 104—105). Такъ кончилось это объясненіе, въ которомъ мужество Василія выразилось какъ нельзя болѣе.

Когда довели Валенту о результатахъ этого объясненія, онъ невольно возымѣлъ къ великому челоуку удивленіе. Желая самъ посмотрѣть на эту неустрашимую личность, онъ въ день богоявленія явился въ храмъ со своею свитою, гдѣ Василій совершалъ торжественное богослуженіе. „Когда вошелъ онъ внутрь храма (слова Григорія), и слухъ его какъ громомъ пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ; когда увидѣлъ онъ море народа, а въ алтарѣ и близь онаго

не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе, и впереди всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василій, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуиль (1 Цар. 7, 10), не воскловяющійся ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслію, но пригвожденный къ Богу и престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣлъ все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе, какъ челоуѣкъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще примѣтнымъ для многихъ. Когда же царю надобно было принести къ божественной трапезѣ дары, тогда никто къ нимъ не прикасался, не зная, приметъ ли ихъ Василій“ (стр. 107).

Между тѣмъ, рассказываетъ Феодоритъ, „Богъ низпослалъ на домъ Валента различныя несчастія,—потому что и сынъ его заболѣлъ и находился при дверяхъ гроба, и жена подверглась различнымъ недугамъ; тогда онъ понялъ причину сихъ бѣдствій, и того божественнаго челоуѣка ⁽¹⁾, которому угрожалъ казню, сталъ просить о посѣщеніи своего дома. Исполнителями этого царскаго повелѣнія были военачальники. Пришедши въ царскіе чертоги и видя, что сынъ царя находится при смерти, Василій великій общалъ возвратить его къ жизни, если онъ сподобится всесвятаго крещенія отъ православныхъ, и сказавши это удалился. Но царь, подобно безумному Ироду, вспомнивъ свои клятвы ⁽²⁾, приказалъ крестить дитя находившимся при немъ сообщникамъ аріанъ, и сынъ его тотчасъ послѣ того скончался. Раскаившись и сообразивъ, что сохраненіе клятвы въ этомъ случаѣ вредно, онъ вошелъ въ божественный храмъ, слушалъ поученіе

⁽¹⁾ Т. е. Василія великаго.

⁽²⁾ Валентъ при своемъ крещеніи отъ аріанскаго епископа Евдоксія далъ ему клятву преслѣдовать православныхъ и быть всегда ярымъ сыномъ аріанства. (Феодор. Церк. ист. IV, 13).

Василія великаго и принесъ къ алтарю обычныя дары. Потомъ Василій, позвалъ его за священную завѣсу ⁽¹⁾, гдѣ стоялъ самъ; много говорилъ ему о божественныхъ догматахъ, и царь слушалъ слова его. При этомъ присутствовалъ нѣкто Демосеенъ, царскій стольникъ, и укорилъ вселенскаго учителя, будто онъ допустилъ барбаризмъ. Тутъ божественный Василій, улыбнувшись, сказалъ: видно и Демосеенъ неграмотенъ. Когда же тотъ разсердился и началъ угрожать ему; тогда великій Василій сказалъ: твое дѣло заботиться о приправахъ въ похлебкахъ, а не слушать разсужденія о божественныхъ догматахъ; потому что твои уши заграждены для этого. Таковъ-то былъ отвѣтъ ему. Между тѣмъ царь былъ такъ восхищенъ этимъ мужемъ, что бѣднымъ, которые находились подъ его попеченіемъ, подарилъ прекрасныя принадлежавшія ему въ Кесаріи земли. Такимъ то образомъ Василій великій избѣжалъ перваго нападенія со стороны Валента. Во второй свой пріѣздъ въ Кесарію, царь, забывъ прежнее, — потому что льстецы овладѣли его умомъ, — сталъ снова убѣждать Василія перейти къ противникамъ и, не могши убѣдить его, приказалъ написать указъ о его ссылкѣ; но когда хотѣлъ онъ скрѣпить это опредѣленіе подписомъ своей руки, то не могъ начертать ни одной буквы, потому что трость сломилась. Тоже произошло съ другою и третьею; а онъ все-таки хотѣлъ утвердить нечестивый свой указъ, пока наконецъ не начала трястись и дрожать его рука. Тутъ ужасъ объялъ его душу, и онъ обѣими руками разорвалъ бумагу.... Такимъ образомъ Валентъ, возобновивъ нападеніе, еще разъ обманулся въ своей надеждѣ“ (Церк. истор. Θεοδορίτα. IV, 19). Послѣ этого Валентъ уже не возобновлялъ своихъ нападеній на Василія.

(¹) По св. Григорію богослову, это было во вторичное посѣщеніе Валентомъ кесарійскаго храма. См. Твор. св. Гр. бог. т. 4. стр. 107.